

ББК
83.3(2) (р.ф.)
В315

В.В. Вересаев.

РОДСТВЕННИКИ
ПУШКИНА.

МОСКВА
1933

В. В. ВЕРЕСАЕВ

РОДСТВЕННИКИ ПУШКИНА

Гм, гм! Читатель благородный,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте, может быть, угодно
Теперь узнать вам от меня,
Что значит именно родные.
Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождестве их навещать
Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они...
И так, дай бог им долги дни!

«Евгений Онегин», IV, 22.

Научная библиотека СФУ

A1391072B

Журнально-газетное объединение.
Москва — 1933

СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ ПУШКИН

(1770—1843)

Отец поэта. Сын богатого помещика. Получил светское, французское воспитание. При Павле I служил в лейб-гвардии егерском полку. Но к службе, при тогдашних требованиях, по крайней своей небрежности и рассеянности оказался мало годен. Он любил, например, сидеть с приятелями у камелька и мешать в нем огонь; однажды он для этого употребил свою офицерскую трость и с нею же явился потом на службу. Командир, заметив обгорелую трость, сказал:

— Уж вам бы, господин поручик, лучше явиться на учение с кочергою.

Сергей Львович очень был огорчен таким замечанием и жаловался на тяжесть военной службы. Перчатки он постоянно терял или забывал дома. Как-то даже на придворный бал он явился без перчаток. К нему подошел император Павел и спросил по-французски:

— Отчего вы не танцуете?

Оробевший Пушкин в смущении ответил:

— Я потерял перчатки, ваше величество.

Царь снял свои перчатки и сказал с улыбкою:

— Вот вам мои. — Потом с одобрительным видом взял молодого офицера под-руку, подвел к даме и прибавил: — А вот вам и дама.

В ноябре 1796 г. Сергей Львович женился на Надежде Осиповне Ганнибал, своей внучатой племяннице. Через два года вышел в отставку в чине майора и переселился на покой в Москву. Впрочем и в Москве числился служащим где-то по комиссариатской части. С 1814 г. в течение трех лет служил в Варшаве, тоже по комиссариатской части; в январе 1817 г. окончательно вышел в отставку с чином статского советника. Преемник его, принимая от Сергея Львовича должность, застал его в присутственном месте за французским романом вместо счетов и бумаг. Сергей Львович поселился с семейством в Петербурге, больше никогда уже не служил и вел совершенно праздную жизнь, ни о чем решительно не заботясь. Он был изысканно-любезен на старинный французский манер, был мастер на каламбуры и острые ответы. Например, некто Копьев славился в Петербурге худобою своей малокормленной четверни. Однажды ехал он в карете по Невскому, нагнал шедшего пешком Сергея Львовича и крикнул ему из кареты:

— Садитесь, подвезу!

Сергей Львович ответил:

— Благодарю, но не могу: я спешу.

Особенно торжествовал он в салонных играх, требующих беглости ума и остроты, был необходимейшим человеком при устройстве праздников, собра-

ний и домашних театров. Был прекрасный актер и декламатор, мастерски читал, особенно Мольера. Очень легко писал стихи — и по-французски, и по-русски. Интересовался литературой, был лично знаком с Карамзиным, Дмитриевым, Батюшковым, Жуковским, кн. Вяземским.

Жизнь представлялась Сергею Львовичу лугом удовольствий, человек — точнее, дворянин — мотыльком, которому предназначено порхать по одному лугу и пить с цветочков сладкий сок. Для этого, естественно, нужны средства. Сергей Львович их имел. В Нижегородской губернии у него было около семи тысяч десятин земли и более тысячи крепостных крестьянских «душ». Да за женою он получил в Псковской губернии более тысячи десятин. Но средства сами собою в руки не плывут. Все-таки нужно надзирать за управляющими, следить за отчетностью, наезжать хоть изредка в поместья, ревизовать — вообще прилагать некоторый труд. Вот это было совершенно не по нутру Сергею Львовичу. Никакими делами он заниматься не любил. Своих наследственных нижегородских поместий он за всю свою жизнь не посетил ни разу и управление поручил крепостному своему человеку Михайле Калашникову, мошеннику первостатейному. Когда впоследствии для спасения имения послан был туда дельный управляющий, немец, то он просто бежал из имения при виде страшного разорения крестьян. В псковском поместье Михайловском было не лучше; приказчики надували и обкрадывали барина, высылали ему в год две-три сотни рублей ассигнациями,

да два-три воза замороженной домашней птицы и масла; грабили и притесняли крестьян. Когда же мужики приехали в Петербург к Сергею Львовичу с жалобой на управляющего, Сергей Львович пришел в негодование за причиненное беспокойство, затопал ногами, раскричался на мужиков и прогнал, не выслушав.

При такого рода хозяйствовании, разумеется, представлялось очень мало возможности беззаботно гулять по жизненному лугу удовольствий. Погуляй-ка, когда имения заложены и перезаложены, казна требует процентов, в доме нет ни гроша, лавочники перестают верить в долг. Обычный стиль жизни Сергея Львовича хорошо отражен в письмах его дочери О. С. Павлицевой к мужу. «Вообрази, — пишет она, — что в прошлом году имение Болдино описывали пять раз.. Можешь себе представить, в каком состоянии находится отец со своими черными мыслями, да к тому же денег нет. Он хуже женщины: вместо того, чтобы притти в движение, действовать, он довольствуется тем, что плачет. Не знаю, право, что делать, — я отдала все, что могла, но это все равно, что ничего, из-за общих порядков дома, из-за мошенничества людей, перед которыми наш Петрушка буквально ангел. Мой отец только и делает, что плачет, вздыхает и жалуется встречному и поперечному. Когда у него просят денег на дрова и сахар, он ударяет себя по лбу и восклицает: «Что вы ко мне приступаете? Я несчастный человек!» Он испустил это восклицание передо мною, и, сознаюсь,

меня это немного развлекло, когда я подумала о его 1 200 мужиках в Нижнем... Боже упаси обращаться к кому-нибудь из прислуги в доме: это воплощенные дьяволы, мошенники, воры, нахалы и потом они ничего не сделают даром. Лакеем к экипажу мне пользоваться невозможно, отец сердится, когда он всю челядь не видит налицо: «Да где тот? Да где этот? Да кто его послал?» и т. д... Право, иногда он мне очень жалок. Старик всегда нуждается в деньгах, а их любит; его обкрадывают и обчищают со всех-сторон; его челядь саранча сущая. Вообрази: пятнадцать человек!»

Сергей Львович был небольшого роста, с проворными движениями, с носиком вроде клюва попугая. Имел склонность к чувствительности, был очень слезлив. Главную, характернейшую его особенность составляла глубокая душевная фальшивость, постоянное стремление играть какую-нибудь роль. Никогда он не проявлялся так, как что-нибудь переживал в душе, а держался так, как, по его мнению, в данном случае должно было проявляться. Был он глубочайший эгоист, до детей ему мало было дела, но письма его к ним были исполнены самой образцовой отеческой нежности. Когда умирала его жена, он громогласно рыдал в ее комнате; это пугало и мучило умирающую; дочь попробовала указать на это отцу; Сергей Львович пришел в негодование, закричал на дочь и стал обвинять ее в бесчувствии. Можно думать, что напыщенная фальшивость отца сыграла; по контрасту, свою роль в выработке у

Пушкина большой простоты и естественности в выражении чувства.

Сергей Львович денег удерживать не умел, но в то же время был очень скуп. Пушкин в письме с юга к брату с горечью вспоминал о своем петербургском пребывании под родительским кровом: «когда больной, в осеннюю пору или в трескучие морозы я брал извозчика от Аничкина моста, он вечно бранился за восемьдесят копеек, которых, верно бы, ни ты, ни я не пожалели для слуги». Однажды, уже взрослым, обедая у отца, сын его Лев разбил нечаянно рюмку. Отец вспылил и целый обед ворчал. Лев сказал:

— Можно ли так долго сетовать о рюмке, которая стоит двадцать копеек?

— Извините, сударь, — с чувством возразил отец: — не двадцать, а тридцать пять копеек!

Скупость Сергея Львовича была хорошо известна и всем его знакомым. Когда Вяземский узнал о помолвке Пушкина на Гончаровой, он писал ему. «Гряди, жених, в мои объятия! Более всего убедил меня в истине женитьбы твоей вторая экстренная бутылка шампанского, которую отец твой разлил нам при получении твоего письма. Я тут ясно увидел, что дело не на штуку. Я мог не верить письмам твоим, слезам его, но не мог не поверить его шампанскому».

К детям своим Сергей Львович был глубоко равнодушен. При малейшей жалобе гувернантки или гувернера он сердился, выходил из себя, но гнев его проистекал только из врожденного отвращения ко всему, что нарушало его спокойствие. Когда Пуш-

кин был в лицее, Сергей Львович в январе 1915 г. присутствовал на публичном экзамене учеников, — на этом экзамене Пушкин прочел свои «Воспоминания в Царском Селе» и вызвал восторг присутствовавшего на экзамене Державина. Как бывало и впоследствии, этот успех сына заставил Сергея Львовича отнестись к нему с большим вниманием. По окончании лицея Пушкин жил в Петербурге у родителей, на Фонтанке, и вызывал неутраченное негодование отца своим озорством, кутежами и вольномыслием. Пушкина выслали из Петербурга. На юге он пропал от безденежья. Отец писал ему нежные письма, но денег не посылал. «Изъясни отцу моему, — писал Пушкин брату из Одессы, — что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучен.. На кого, кажется, надеяться, если не на ближних и родных?.. Крайность может довести до крайности. Мне больно видеть равнодушие отца моего к моему состоянию, — хоть письма его очень любезны». В августе 1824 г. Пушкина выслали из Одессы в псковскую деревню его родителей. Там в это время жила вся семья Пушкиных. Отец ужасно испугался, твердил, что теперь и его самого, Сергея Львовича, может из-за сына ожидать ссылка, и не уставал пилить его. Пушкин совсем исчез из дому: либо рыскал верхом по окрестностям, либо проводил время у обитательниц соседнего села Тригорского. Домой возвращался только ночевать. Начальство напрасно искало среди окрестных дворян человека, который взял бы на себя обязанность следить за дей-

ствиями, разговорами и перепискою ссыльного поэта. Тогда предложено было взять на себя эту обязанность самому Сергею Львовичу. Он с покорною готовностью согласился. Пушкин рассказывает в письмах: «вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволили мне с ним объясниться; я решился молчать. Отец начал упрекать брата в том, что я преподаю ему безбожие. Я все молчал. Получают бумагу, до меня касающуюся. Наконец, желая вывести себя из тягостного положения, прихожу к отцу, прошу его позволения объясниться откровенно... Отец осердился, заплакал, закричал. Я поклонился, сел верхом и уехал. Отец призывает брата и повелевает ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé... Голова моя закипела. Иду к отцу, нахожу его с матерью и высказываю все, что имел на сердце целых три месяца. Кончаю тем, что говорю ему в последний раз. Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я его «бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить». А после говорил: «экой дурак, в чем оправдывается! Да он бы еще осмелился меня бить! Да я бы связать его велел!» Зачем же обвинять было сына в злодействе несбыточном? «Да как он осмелился, говоря с отцом, непристойно размахивать руками!» Это дело десятое. «Да он убил отца словами!» — каламбур, и только». Взбешенный Пушкин написал официальное прошение псковскому губернатору с просьбою перевести его «в одну из крепостей его императорского величества». Друзьям удалось остановить отправку прошения. Сергей Львович от-